

УДК 821.161.1
DOI 10.17223/18137083/72/7

Сюжет временный брак в русской литературе 1860–1910-х годов

А. А. Богодерова

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

*Новосибирский государственный технический университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматривается тема временных браков между русскими и японками в русских документальных и художественных текстах. Временный брак предполагает коммерческую основу и временный характер сожительства, поверхностный контакт представителей двух цивилизаций, расставание в конце. В одних произведениях денежный вопрос не важен, в других он создает острую социальную проблему. Исследуется различие в развитии сюжета в документальных и художественных текстах и соотношение с другими сюжетными ситуациями (любовь к чужаку, военные на постое). Проводится сопоставление с прозой зарубежных писателей, касавшихся этой темы (П. Лоти «Госпожа Хризантема», Дж. Лонг «Мадам Баттерфляй»).

Ключевые слова

травелог, путешествие, сюжет, временный брак, П. Лоти, литература рубежа XIX–XX веков, Д. Перский, М. Волконский

Благодарности

Статья выполнена в рамках гранта РФФИ № 19-18-00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера»

Для цитирования

Богодерова А. А. Сюжет временный брак в русской литературе 1860–1910-х годов // Сибирский филологический журнал. 2020. № 3. С. 92–106. DOI 10.17223/18137083/72/7

Temporary marriage as Russian literary pattern in the 19th – early 20th century

A. A. Bogoderova

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

*Novosibirsk State Technical University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper deals with the subject of *temporary marriage* between Russian sailors and Japanese women in fictional and non-fictional literature. The literary pattern of *temporary marriage* includes time limitation of the marriage, the language or/and cultural barrier and the man's leaving at the end. The time limitation sometimes makes one or both spouses consider this

© А. А. Богодерова, 2020

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2020. № 3
Siberian Journal of Philology, 2020, no. 3

marriage as legal, but “not true.” There are two main variants of the pattern in Russian travel notes of the 19th – early 20th century. The first is the positive one (A. Krasnov, D. Schreider, and N. Bartoshewsky). Both husband and wife are kind-hearted people, their family life is pure and real, although they do not entirely understand each other’s language. The second is the negative one (F. Knorring, D. Armfelt, G. de Vollan, and Vinogradov). Husband and wife are both pragmatic, rational, and cold, with the whole tradition turning into a sort of prostitution and insincere comedy.

The plot variants, with one of the spouses being pragmatic, mercantile and cruel, and another loving, faithful, and suffering, are not common. Yuzhakov’s travel notes include such a rare case. The asymmetrical variant was more popular in Western fiction (*Madame Butterfly*). Russian fiction prefers the positive variant of the pattern. In short stories by D. Persky and M. Volkonsky, the authors transform the motives from *Madame Chrysanthème* by P. Loti and *Madame Butterfly* by J. L. Long by showing the Russians as noble people and achieving a happy end wherever possible.

Keywords

travelogue, travel, pattern, plot, temporary marriage, Pierre Loti, literature of the 19th – early 20th century, D. Persky, M. Volkonsky

Acknowledgments

The work was supported by the Russian Science Foundation Grant No. 19-18-00127 “Siberia and the Far East of the first half of the 20th century as a literary transfer space”

For citation

Bogoderova A. A. *Temporary marriage* as Russian literary pattern in the 19th – early 20th century. *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 3, p. 92–106. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/72/7

Во второй половине XIX в. учащаются контакты Российской империи с Японией. Россия вместе с Великобританией и США ближе знакомится с новой страной, открывшей границы. Во время долгих стоянок европейских кораблей в японских портах из-за оторванности военных от их семей формируется институт «временных браков». Заключаются контракты между моряками и японками на срок от месяца до 3 лет. В городе Нагасаки это явление было широко распространено, а его пригород Инаса (или Иноса, Иносса, Энаси) становится «русской колонией». Такое положение вещей сохраняется для русских вплоть до Русско-японской войны (1904–1905).

Это социальное явление вызывало интерес многих русских путешественников, исследовавших Японию. Первые упоминания об этой традиции относятся к 1860–1870-м гг. и представлены в травелогах Г. Армфельта «Корвет “Варяг”. Воспоминания из кругосветного плавания 1863, 1864, 1865, 1866, 1867 г.» [1867], Н. Бартошевского «Япония. Очерки из записок путешественника вокруг света» (1868) [1999] и С. Максимова «Лесная глушь» (очерк «Японки») [1871]. Краткие описания передают удивление перед сложившейся традицией, не вписывающейся в европейские представления о женской добродетели. Максимов выразил то, что нарушало ожидания и могло задевать европейца, составляло для него загадку – полное равнодушие японок к своим бывшим «мужьям», с которыми они жили мирно: «Их же разбирают на время приезжие иностранцы, не исключая и русских, и сознаются в том, что роль жены-хозяйки они исполняют в высокой степени совершенства. Расставаясь в свое время, не терзаются, не ревут, расстаются с ледяным хладнокровием, словно старый башмак сбросила, как не годный» [Максимов, 1871, с. XIII].

После выхода в 1887 г. романа Пьера Лоти «Госпожа Хризантема» [1909], написанного на основе личного опыта, интерес к теме у русских путешественников только усиливается. Героиня оставляет у рассказчика ощущение чужеродного, непонятного и неуловимого существа, сближение с ней оказывается невозможно. Она так и не начинает проявлять к герою большего интереса, чем обязывает положение, бурного романа не случается и расставание приводит только к облегчению. Теперь у явления есть имя: само слово «хризантема» после Лоти используется для обозначения временной жены, а потом и вовсе любой «портовой мусмэ» (так же, как слово «камелия» обозначает куртизанку). В. Э. Молодяков указывает на волну подражателей Лоти среди западных романистов¹. Однако в русской художественной литературе этого периода сюжет не получает широкого распространения (редкий пример – рассказ М. Н. Волконского «О-Сшька-сан» [1899]).

Явление отразилось в документально-художественных произведениях авторов, посетивших Японию в качестве туристов, в составе научных экспедиций и по служебным делам: А. Добровольский «Сорок семь могил. Из очерков Японии» [1893], С. Н. Южаков «Доброволец “Петербург”. Дважды вокруг Азии» [1894], Д. И. Шрейдер «Япония и японцы» [1895], А. Н. Краснов «По островам Далекого Востока» [1895], А. Виноградов «В дальних краях» [1901], В. Г. Тан «В Японии» (1901) [1910], Н. Г. Гарин-Михайловский «По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову. Вокруг света» (1904) [1958], W. «Из жизни на Дальнем Востоке» [1904], Ф. И. Кнорринг «Через Америку и Японию» [1904], Г. де Воллан «В стране восходящего солнца» [1906]. Хотя сами авторы этих произведений не становились участниками такой ситуации, они могли наблюдать ее со стороны и высказать свое мнение относительно складывавшегося стереотипа о «бездушии» японских женщин.

На рубеже XIX и XX вв. в теме обнаруживается новый поворот. Рассказ Дж. Лонга «Мадам Баттерфляй» (1898) [Long, 1903] и драма Д. Беласко «Гейша» (1900) демонстрируют иную модель поведения временной жены, безнадежно ждущей покинувшего ее мужа. На их основе создано либретто знаменитой оперы Дж. Пуччини «Мадам Баттерфляй» (1904). Это уже не может повлиять на травелогиче очевидцев жизни в Инасе, которая опустошается во время Русско-японской войны, однако образ временной жены, вместе с младенцем ждущей возвращения супруга, отразился в повести Д. Перского «Миокоти-сан» [1911].

Сюжет *временный брак* не следует смешивать с сюжетной ситуацией *любовь к чужаку* [Печерская, Никанорова, 2010, с. 106–107]. В словарной статье выделяются романтический и демократический варианты ситуации. В первом случае цивилизованный герой не может поддержать отношения с девушкой-дикаркой и экзотической для него средой (А. С. Пушкин «Цыгане» (1824), М. Ю. Лермонтов «Герой нашего времени» (1840), Л. Н. Толстой «Казачьи» (1863)). Во втором героиня стремится изменить свою жизнь, для нее важна не только любовь, но и желание присоединиться к новой, более прогрессивной социальной группе (И. С. Тургенев «Накануне» (1860), Н. Г. Чернышевский «Что делать?» (1863), Н. С. Лесков «Некуда» (1864)). В обоих вариантах, ситуация включает любовь к представителю другой среды и желание бежать из собственного мира и влиться

¹ Произведения, написанные под влиянием П. Лоти: К. Холланд (псевдоним К. Хэнкинсона) «Моя японская жена» (1895), «Мусмэ» (1902), Шамсур «Японская кукла» (1903), Огемер «Маленькая мусмэ» (1907), д’Эстрей «Тисэн. Маленькая экзотическая подружка» (1905) [Молодяков, 1996, с. 42].

в чужой, чему оба мира сопротивляются. Но в сюжете *временный брак* военный не стремится влиться полностью в чужую культуру, не намерен навсегда остаться в Японии, не встречает сопротивления враждебной среды.

Сюжет *временный брак* имеет несколько общих элементов с сюжетной ситуацией *военные на постое* [Печерская, 2001]: временное пребывание военных в бытовых домах; быстрое возникновение связи военного с женщиной; герой уезжает, все возможные продолжения отношений остаются за рамками ситуации. Однако для временного брака не характерна связь с метафорой бесконечной жизненной дороги, на которой постой – временная остановка, вмешательство судьбы в частную жизнь героя. Военные могут оказываться на постое в различных локусах, в то время как в сюжете *временный брак* важно именно экзотическое пространство Японии.

Полностью развернутая фабула *временного брака* имеет следующие этапы.

1. Военный выбирает девушку и заключает контракт (временное сожитительство за плату).

2. Сожитительство (общий быт, развлечения, возможно рождение детей).

3. Военный уезжает, когда заканчивается время стоянки.

Инвариант *временного брака* предполагает ограниченность сожитительства по времени, языковой и/или мировоззренческий барьер между представителями двух цивилизаций и расставание в конце. Такой компонент, как коммерческий характер сожитительства, в исторической практике составлял его основу и закреплялся контрактом. Однако в ряде произведений это обстоятельство не отрицается напрямую, а обходится стороной в повествовании, присутствует лишь имплицитно, в то время как в других именно оно выходит на первый план. Кроме того, временность брака заставляет одну или обе стороны считать его хотя и легальным, но ненастоящим.

Последние два компонента определяют различные направления в развитии семантики сюжета. Основная оппозиция здесь – прагматизм против чувства. Это прежде всего касается изображения японок, которые представлены или кроткими, преданными идеальными женами, или хладнокровными бездушными добытчицами. Однако это относится и ко второму участнику ситуации, «мужу», который также представлен или циничным, или добродушным и благодарным.

В рассмотренном периоде развиваются два варианта центральной ситуации.

1. «Золотой век» временного брака, названный А. Н. Красновым «эпохой фрегатов» в честь тех времен, когда стоянки русского флота были долгими, а отношения моряков и японок – искренними. Оба героя тяготеют к полюсу чувственности и хотя едва понимают, все равно радуют друг друга. В травелогах Краснова и Шрейдера сделан акцент на положительных сторонах традиции, на мирных или комичных картинах домашнего уюта, трогательных проводах и возвращениях. Это ушедшее время идеализируется, что в концентрированном виде представлено у Краснова: «Японская женщина, положение которой в семье, говоря вообще, не завидное, находила в своем новом сожителе нередко гораздо более внимания и ласки, нежели ее подруги, вышедшие замуж за японцев. Отзывчивый и нежный характер японского народа, подобно русским умеющего и отозваться на чужое чувство и горе, и душевно привязаться к человеку, от которого он видел хорошее, в лице японской женщины соединяется с тем требующим мягкости и вежливости обращением воспитанием, которое свойственно народам дальнего Востока Азии» [Краснов, 1895, с. 69].

Временный брак дает повод для противопоставления России и Европы, превнесения русского человека не только над японцем, но и над европейцем. В изображении Краснова, Шрейдера и Бартошевского русские ищут прежде всего домашней обстановки и хорошо обращаются с «женами», в то время как европейцы своим холодным, бездушным подходом унижают японок и опошляют идею. Русские представляются также более мягкими и чувствительными, чем суровые японцы. Авторы травелогов с гордостью подчеркивают гуманность моряков, благодаря которой только им закон позволяет поддерживать традицию.

Далеко не во всех травелогах быт русских в Инасе выглядит идилически. Бартошевский и Шрейдер, даже отмечая гуманизм русских, рисуют их жизнь какрикатурной. У Бартошевского «жен» проигрывают в карты, объясняются с ними знаками, в том числе непристойными, из-за языкового барьера ведут псевдоразговор с помощью десятка знакомых слов. В травелогe Шрейдера ситуации придается комический оттенок из-за контраста брутального матроса (не русского, а малоросса) и японки – «этажерной безделушки». Однако смешным выглядит скорее сам примитивный матрос, а не его деликатная жена. В развернутой сцене муж перед гостями бессмысленно выкрикивает японские слова, а жена, уже наученная опытом, безошибочно понимает это как приказ принести водку.

У обоих авторов мотив переодевания в японскую одежду, комическая победа японского быта над европейским указывает на переход героя в сферу домашней жизни, отказ от строгой регламентации, что в худшем проявлении превращается в бесстыдство и распущенность. Однако у Краснова принципиально важна обратная ситуация: победа русского человека на любовном фронте подчеркивается его доминированием над японским пространством и миром вещей, которые ему в угоду русифицируются. Рассказчик тщательно перечисляет «родные» детали обстановки: русские клички местных жителей, русское меню и портрет Наследника в заведении О-Мацу. «Русская деревня» Инаса, в которой предпринимчиво воссозданы детали русского быта, выстроен кабак «Кронштадт» с водкой, икрой и щами, ведется неспешная и примитивная жизнь, близка по атмосфере к русской провинции. В интерьерах миниатюрные японские предметы постепенно вытесняются русскими. Краснов дополняет их идилическим пейзажем (райская природа, пышные растения, даже кладбище выглядит уютно), создавая собственный миф о потерянном рае, в центре которого – русский народ, ненасильственно покоряющий Восток.

2. Профанация временного брака, более поздний период, который Краснов называет «эпохой пароходов». Темп жизни ускоряется, традиция вырождается в проституцию, притворство и комедию. В этом случае и он, и она – сугубые прагматики, отношение к явлению варьируется от осуждения до иронии. В некоторых произведениях (Кнорринг, Воллан) грязный «портовой обычай» противопоставляется строгому традиционному японскому браку. Тема превосходства русских в этом случае не поднимается, ни о каком мирном покорении речи не идет. Воллан разоблачает миф о «русской деревне Инасе», доказывая, что русское влияние в ней поверхностно, борьба давно проиграна англичанам.

Слишком свободная атмосфера создает у русских ощущение вседозволенности и ведет к варварству. Де Воллан отмечает их примитивный образ жизни, напоминающий жизнь в уездном городе. В травелогe Кнорринга стремление сожительствовать с японками и хозяйничать в чужой стране встраивается в негативный контекст, это удел беглых русских моряков. Инаса в его изображении – неприятное место, гулять там можно только с охраной именно из-за агрессивных пьяных рус-

ских: «Навстречу нам движется толпа пьяненьких “иностранцев” в сапогах бутылками и в меховых шапках. Не признав в нас русских, компания пускает по нашему адресу задорное: “и чего это иностранцы шлятся в русскую Яносу”» [Кнорринг, 1904, с. 268].

Отношение к временному браку выступает как средство характеристики путешественника. В травелогах Гребенщикова, Добровольского и Гарина-Михайловского признаком поверхностности и узкого кругозора собеседника служит то, что в Нагасаки он разглядел только ряд клише, одно из которых – «портовые мусмэ», «хризантемы». Авторы травелогов обвиняют таких недалководных путешественников в том, что они заметили только мелочи, но не узнали ничего ценного о японской культуре и истории, упустили прогресс Японии.

Тема временного брака в большинстве травелогов получает публицистическое развитие. В ряде текстов это проявление социальной несправедливости, которую следует разоблачить. Армфельт и Виноградов критикуют эксплуататорский характер сделок, подчеркивают бесправие девушек, которых выдают за первого встречного. В более поздних текстах делается акцент на том, что Япония постепенно избавляется от варварства, встает на путь прогресса. Виноградов указывает, что наиболее циничные злоупотребления все-таки ушли в прошлое благодаря новым законам. Гарин-Михайловский, встречая в Японии образованных и работающих девушек, смотрит на них глазами прогрессивного публициста: «Я слушал ее и думал: уверяют, что японские женщины продажны. Но зачем такой, например, девушке торговать своим телом, когда у нее и без того есть ремесло, которое кормит ее. И, конечно, ее положение более гарантирует ее от торговли телом, чем любую из наших барышень из тех, ремесло которых только и заключается в том, чтобы путем законного брака обеспечить за собою и впредь сытое прозябание» [Гарин-Михайловский, 1958, с. 389].

Специфика сложившейся в Японии общественной ситуации порождает суждение о продажности японских женщин. Этот стереотип неоднократно озвучивается в травелогах, хотя четко оговаривается источник такого мнения. Например, в произведении В. Г. Тана сообщается: «Злобная пословица тихоокеанских англичан утверждает, что “в Японии плоды без вкуса, цветы без запаха и женщины без добродетели!”» [1910, с. 152]. В путевых очерках Гарина-Михайловского рассказчику говорит об этом очень развратный и циничный попутчик: «Здесь женщина потеряла всякую цену и интерес, – неделя-две и прочь» [1958, с. 383]. В одном смысловом поле оказываются несколько социальных практик, служащих для путешественника свидетельствами глубокого неблагополучия общества: чайные дома с гейшами; публичные дома; временные браки. Рассказу об иностранной жизни русских моряков обычно сопутствуют описания ежевечерних выставок девушек в клетках в «веселых кварталах», рассказы о быстро организуемых связях с замужними японками, о родителях, торгующих дочерьми на рынке (например, все это есть в травелогe Южакова). Отсутствие привычного остракизма и относительно благополучные перспективы этих девушек воспринимаются как общественное одобрение разврата.

Авторы травелогов всегда подчеркивают свою отстраненность от варварских обычаев, они не имеют ни желания, ни возможности опробовать их на практике и изучают их только по наблюдениям и рассказам. Но в документальных произведениях другого жанра, в воспоминаниях, возможна иная ситуация. В мемуарах Великого князя Александра Михайловича, созданных значительно позже исследуемого периода (1933) [Александр Михайлович, 1991], однако на основе опыта

того времени, Иносе и ее обычаям посвящена часть главы. Происходящее представлено как исключительно комический опыт, лишенный какого-либо трагизма. В «своей» японке рассказчик подчеркивает экспансивность, поверхностность и корысть; ее рассудочность оборачивается комическим прагматизмом. В спорах она лучше всего понимает такой аргумент, как подарок или покупка. Легкомыслие и самоуверенность играют с Великим князем злую шутку: на торжественном приеме у Императора выясняется, что тот японский язык, который он выучил благодаря «жене» – не литературный, а иносский диалект, недопустимый в порядочном обществе. Кроме того, разоблачается сам факт его временного брака, терпимый в низших слоях общества, но не уместный в высших.

И в первом, и во втором варианте сюжета составляет норму и преобладает бесконфликтное завершение сожителства. Сюжет здесь имеет тенденцию сворачиваться до темы или статичной ситуации. В большинстве травелогов жизнь русских моряков в Иносе лишена событий и однообразна, и даже временный брак не составляет интриги. Военные вписываются в уже существующую традицию, которую сами же и поддерживают. Японка после многих временных браков скапливает состояние и становится верной и уважаемой женой своего соотечественника (травелог Касанова, Воллана и др.). Русский моряк может расстаться с ней навсегда, а может многократно повторять опыт сожителства, если «его» японка свободна. Ее жизнь все равно принадлежит Японии, и это не вызывает никаких волнений.

Однако развязка может быть и трагической, если герои нарушают сложившуюся традицию и пытаются отстоять иное решение. В таком случае *временный брак* развивается как вставной сюжет. Источником конфликта может быть желание персонажа создать не временную, а постоянную семью, что невыполнимо из-за разницы мировоззрений. В травелог Южакова [1894] такой «трогательный эпизод» завершается трагически именно из-за того, что отношения супругов выходят за рамки поверхностного общения, перерастают в настоящую любовь, однако культурный разрыв так и остается непреодолимым. Русский военный намерен жениться официально, временно уезжает в Россию для того, чтобы подготовить этот шаг. Когда же он возвращается, то застаёт в доме у ждущей его невесты нового «постояльца», причем она не считает это изменой. Примечательно, что причиной этого в изложении рассказчика оказывается не потребность в деньгах, а своеобразии японских представлений о верности и чести (духовная верность важнее физической). Но офицер рвет с ней отношения навсегда и считает свою жизнь разрушенной.

Для русской документальной литературы второй половины XIX в. не характерны еще два возможных варианта этой ситуации: а) японская жена травмирует любящего мужа своим прагматизмом, б) временный муж оказывается циничным и расчетливым хищником, в то время как жена искренне любит его и готова на жертвы. Второй вариант позднее стал достоянием зарубежной художественной литературы (рассказ Дж. Лонга «Мадам Баттерфляй»). Путешественник или имперский колонист пользуется возможностями чужих культур, недоступными в христианском мире, эксплуатирует иностранных женщин, не испытывая угрызений совести, при этом женщина не просто подчиняется силе, а восхищается им и признает его всестороннее превосходство. Р. Бернштейн, исследовавший историю европейско-азиатских связей и их отражение в литературе, считает этот сюжет («восточная женщина влюбляется в мужественного белокожего мужчину с Запада») встроенным в западную культуру и указывает, что такая модель отно-

шений Запада и Востока сложилась в Европе еще в эпоху Возрождения [Бернштейн, 2014, с. 40].

Далее рассмотрим преломление сюжета *временный брак* в русских художественных произведениях XIX – начала XX в. – в рассказе М. Н. Волконского «О-сшька-сан. Из путевых очерков» [1899] и повести Д. Перского «Миокоти-сан» [1911].

Первое отличие русских произведений с этим сюжетом от западных – характер отношений центральных героев. Западные авторы подчеркивают их неравенство и дисгармонию. У Лоти и Лонга военные, хотя и не прибегают к грубым оскорблениям, изначально смотрят на своих жен свысока. Для американского и французского героев именно мимолетность связи составляет весь ее смысл. Произведение Лонга, хотя и появляется хронологически позже, оказывается близко к устоявшейся модели, описанной Р. Бернштейном, в то время как Лоти использует минус-прием, строя ситуацию на значимом отсутствии влюбленности, на ее тщетном ожидании.

Рассказчик у Лоти не знает дальнейшей судьбы Хризантемы, он лишь предполагает, что ее ждет благополучное замужество. Своим финальным жестом – выбрасывает в море все материальные напоминания о его браке – он подчеркивает свое незнание и нежелание ничего знать. Ни для него самого, ни для Хризантемы расставание не составляет трагедии, источником его страданий становится другое – невозможность пережить бурные эмоции, на которые он рассчитывал, скука и поверхностность новых отношений. Этот конфликт разворачивается лишь во внутреннем мире героя, не влияя на устоявшийся порядок вещей.

Судьба мадам Баттерфляй (Чио-Чио-сан) у Лонга намного тяжелее: она отрекается от семьи и родины ради Пинкертон, боготворит его и ждет его возвращения. Она не сопротивляется стремлению Пинкертон изолировать ее от родной среды и поставить в зависимость от себя. Мечта об Америке, о собственной принадлежности к иному миру, превосходящему японский, заставляет ее порвать все связи со своим обществом. Однако попытка возвыситься за счет брака с американцем не удастся, так как Пинкертон в отъезде женится на американке. В итоге Чио-чио-сан, оказавшись *соблазненной и покинутой*, пытается убить себя (в опере Дж. Пуччини ей это удается).

Русские авторы предпочитают изображать более гуманные отношения без высокомерия и отчужденности. В их произведениях, как в травелогах, русские моряки или добиваются взаимопонимания, перерастающего в любовь (Перский), или хотя бы пытаются душевно сблизиться с «женами», несмотря на языковой барьер (Волконский). Этим обусловлено и второе отличие: мотив *возвращения* в этих произведениях указывает на искренность и ценность отношений героев. Битюгов у Перского, безымянный рассказчик у Волконского, когда находятся в отъезде, мечтают скорее вернуться в Японию и воссоединиться с «женами». При этом денежный аспект ситуации у Перского отмечается только в истории легкомысленного Бирюлькина, но не затрагивается в историях более совестливых Битюгова и Поэтова, благодаря чему отношения выглядят душевными и бескорыстными. У Волконского рассказчик, захваченный противоречивыми чувствами, «забывает» даже упомянуть о деньгах, заплаченных японке, хотя в его повествовании узнаваем все тот же временный брак.

Третье отличие заключается в ином соотношении фабульных и внефабульных элементов, в месте *временного брака* в сюжетном целом произведения. У Лоти разворачиваются все три этапа фабулы (знакомство – сожительство – безболез-

ненное расставание), однако отношения героев настолько лишены динамики, что в описании их совместной жизни гораздо большую роль играют внефабульные элементы (пейзажи, интерьеры, портреты, воспоминания, лирические медитации), создающие основной объем и эмоциональную атмосферу данного текста. У Лонга герои, нарушая последнее звено *временного брака* (мирное расставание), подготавливают последующую катастрофу. *Временный брак* становится предысторией для сюжетных ситуаций *соблазненной и покинутой* и *любовного треугольника*, которые развиваются в течение всего рассказа и завершаются трагически.

Такой подход невозможен для Перского и Волконского, не желающих показывать русских моряков разрушителями чьей-то жизни. Их знаний явно не хватает для подробного описания обстановки и быта, их личное знакомство с Японией вызывает сомнения (имена некоторых персонажей Перского противоречат японской фонетике, пейзажи и интерьеры Волконского заимствованы у Лоти). Однако у них есть возможность сделать любовную линию произведения более насыщенной и эмоциональной или же сделать сюжетную ситуацию *временный брак* частью иного сюжетного целого, завершающегося переходом от несчастья к счастью. В таком направлении изменяется структура и синтактика сюжета в рассматриваемом периоде.

Произведение М. Н. Волконского «О-Сшька-сан. Из путевых очерков» (1899) начинается как упрощенный пересказ «Госпожи Хризантемы», где события, занимавшие у Лоти несколько месяцев, укладываются в несколько дней. Совпадают не только основные части фабулы. Для читателя, знакомого с романом Лоти, очевидно сходство интерьеров (спальня главного героя с пологом и статуэтками богов, которым героиня молится), пейзажей (гора с чайным домом, вид ночной бухты Нагасаки), деталей (черепашовый гребень в подарок). Герой Волконского также многократно водит девушку в город для развлечений, удивляется ее манерам, декларирует отсутствие любви к ней и привязанность скорее к уютной обстановке. При этом он тоже задет невозможностью понять ее истинное отношение к нему. Мнимое соперничество с другом, не завершающееся ничем, также введено в сюжет.

Однако при сходстве событийной канвы организация повествования двух произведений разительно отличается. Рассказчик Лоти – автобиографичный герой, французский военный, давно интересовавшийся Японией, мечтавший о ней и стремящийся в своей исповеди передать все подробности своей внутренней жизни и живописность обстановки. У Волконского первичный нарратор, безымянный и безликий путешественник, ведет на корабле диалог с главным героем, и вся история временного брака разворачивается в повествовании этого вторичного нарратора, также безымянного. В отличие от рассказчика Лоти, он не знаток Японии. Его род занятий так и остается неясным, как и его происхождение. С одной стороны, он, как представитель образованного общества, знает, что такое романтическая влюбленность, когда-то писал стихи, в Японии намеревался «срывать цветы удовольствий». С другой, для изображения экзотической культуры он использует утрированный сказовый стиль. Его речь характеризуется множеством синтаксических инверсий (сказуемое в самом начале или конце предложения) и постпозиций определения, обилием эмоционально-экспрессивной и разговорной лексики, наличием просторечных выражений («шут ее знает»), уменьшительно-ласкательных и пренебрежительных суффиксов («фунешка», «в садике лесенка», «мусмешка», «глазки»).

Стремление ввести в свой текст слово «простого человека» о японках и ранее проявлялось у некоторых авторов документально-художественных произведений (матрос Ершов в очерке Максимова «Японки», боцман-малоросс у Шрейдера). Точка зрения просвещенного рассказчика в травелоге, видящего все достоинства японок, их изящество и образованность, контрастирует с мнением человека «из народа», не способного в полной мере это оценить. Подчеркиваются речевые затруднения опрашиваемых матросов и боцманов при рассказе о японках, слово очевидца так и остается примитивным, а мысль недосказанной. Доброжелательный, но грубоватый взгляд на японок привносит в повествование комизм и побуждает рассказчика дополнить ограниченную, внутренне неприемлемую для него точку зрения, пусть и на основе энциклопедических знаний, а не личного долговременного знакомства с японками. В произведении Волконского это происходит лишь в самом конце, когда собеседник главного героя помогает ему сделать вывод и осмыслить произошедшее, однако этот первичный нарратор не вмешивается со своим мнением в ход повествования. Ситуация представлена в основном глазами «простого» человека и рассказана только «простым» языком.

Герой Волконского переживает ситуацию более наивно, но и более искренне и полно, чем рассказчик Лоти, и получает почти идиллические уют и отдых, как и русские моряки в травелогах. Краткий отъезд и возвращение только делают новую встречу еще более желанной, демонстрируют, что герой увлекся всерьез. Все его попытки рационализации и отрезвления не отменяют ценности нового опыта. Особенно это заметно в сравнении новой «непонятной» любви с прежними «европейскими» влюбленностями: «Я себя знаю и бывал влюблен на своем веку – и ночей не спал, и на луну смотрел, и влечение к стихам даже чувствовал; ну, а тут совсем не то, верьте мне; там: беспокойство, волнение, дрожь какая-то, голову теряешь, а тут, совсем не то, – тут вовсе не ее хотелось видеть, скорее, совсем не ее, а как-то, все, что ее окружает: и домик этот и все; не беспокойство тут было, а напротив, точно душа отдыха просила – и там-то для нее и был этот отдых...» [Волконский, 1899, с. 396]. Герой так и не способен объяснить до конца открывшиеся ему новые переживания.

Тема невыразимости опыта, неадекватности языка переживанию есть как у Лоти, так и у Волконского, но развивается она в противоположных направлениях. Разочарованный рассказчик Лоти утверждает, что его ощущения ниже привычного ему языка изложения: «В других странах мира, на восхитительном острове в Океании, в вымерших старых кварталах Стамбула мне казалось, что словам не под силу выразить все, что я хочу сказать, я бился с собственным бессилием передать средствами человеческого языка пронзительное очарование окружающего мира. Здесь же, наоборот, слова, даже будучи совершенно точными, всегда оказываются слишком объемными, слишком эмоционально насыщенными; слова приукрашивают» [Лоти, 1909]². У Волконского обратная ситуация: переживания героя слишком новы и необычны для него, поэтому их невозможно выразить скудными доступными словами. Отсюда и уничижительная характеристика своего состояния: «Шут ее знает, любил я ее или нет, только в душе сложная гадость сидит» [Волконский, 1899, с. 392].

Развязка у Волконского включает инверсию мотивов, появляющихся у Лоти. Рассказчик Лоти мирно доживает с Хризантемой оплаченное время, так и не дож-

² Здесь и далее цитаты приводятся по интернет-публикации: http://az.lib.ru/l/loti_p/text_1887_madame_chrysantheme.shtml

давшись бурных эмоций. Он подозревает, что Хризантема хотя бы в тайне влюблена в его брата или в него самого, поэтому, когда девушка приглашает его зайти с ней проститься, он надеется, что ему откроется нечто новое. Однако он застаёт ее за прозаическим пересчетом заработанных денег и по ее поведению понимает, что ей безразличны они оба. Все интриги, наметившиеся в его воображении, оказываются ложными. Ситуация у Волконского разворачивается строго наоборот. Его рассказчик внезапно по непонятной причине ссорится со своей японкой, не может ни помириться, ни проститься с ней, борется с соблазном остаться навсегда. «Сложную гадость», которая сидит в его душе, он не в состоянии выбросить за борт, как это буквально делает со своими памятными вещами герой Лоти. Перед самым отъездом узнает от окружающих, что девушка все это время была в него влюблена, чем и объясняются все странности ее поведения. Герой Волконского своим заботливым, вежливым и мягким отношением добивается того же результата, что и моряки в травелоге Краснова, к которому этот рассказ мог бы послужить иллюстрацией.

В фабуле примирения не происходит: герой уезжает в Россию с разбитым сердцем. Однако, как и в травелогах, культурный собеседник должен уравновесить примитивный взгляд правильной информацией. Рассказчик Волконского прибегает к японско-английскому словарю, чтобы помочь собеседнику подвести итог. Произведение заканчивается диалогом о значении имени героини («песня, поэма») и утверждением поэтичности пережитого опыта, что сглаживает остроту страдания. Введение новой точки зрения и новой оценки произошедшего завершает ситуацию.

В произведении Д. Перского «Миокоти-сан» (1911) менее всего сходства с романом Лоти. Местом действия выбран не знаменитый Нагасаки с его памятниками, храмами и живописной бухтой, а менее известный Хакодатэ. В воссоздании японского пространства автор отходит от модели «живописной Японии». Для него характерно скупое описание интерьеров жилищ, не повторяющее Лоти, полное отсутствие природных пейзажей, минимальные портретные характеристики. Хакодатэ предстает как пространство, уже освоенное и одомашненное русскими. Вместо заведения О-Мацу в Инасе здесь есть «Русский отель», состоящий из равноправных Европейского ресторана и Японского чайного дома.

Акцент в произведении сделан не на японской обстановке, а в большей степени на подробностях жизни «военных на постое». Русские моряки в изображении Перского наделены комическими чертами: графоманские попытки стихотворчества, наивность, неустроенный быт, круговорот денег и имущества.

Фабула произведения основана на мультипликации *временного брака*, через который проходит большинство главных героев, прибывших в Хакодатэ на одном корабле. Сначала в брак вступает мичман Бирюлькин, который выбирает Миокоти, женщину с ребенком, ждавшую, но не сумевшую найти на русском корабле прежнего мужа. Затем появляется сам муж, офицер Битюгов, намеренный честно жениться на матери своего ребенка. Он быстро и безболезненно избавляется от соперника, семья воссоединяется. Далее Битюгов женит подпоручика Поэтова на младшей сестре Миокоти, а Бирюлькин находит новую девушку.

Семейная идиллия продолжается весь срок стоянки русского судна в Хакодатэ, однако она сама по себе лишена событийности, поэтому дальнейшее повествование сосредотачивается на мелких авантюрах и карточных играх еще не женившихся офицеров. В этой части произведения ярче всего проявляются компоненты сюжетной ситуации *военные на постое*. Она пространственно и структурно близ-

ка к *временному браку*, и ее использование позволяет автору продолжать повествование и компенсировать нехватку материала.

Развязка предельно оптимистична: герои выходят в отставку, официально женятся на японках и увозят с собой. Финал заставляет вспомнить «Что делать?» Н. Г. Чернышевского: продублировав необычную модель брака, несколько смешанных семей счастливо живут коммуной. Ситуация, предполагающая расставание в конце, разрешается наоборот. Более того, данный автор изначально помещает Битюгова и Миокоти в наиболее опасные для них обстоятельства, в других художественных и документальных текстах приводящие к катастрофе (неоднозначная измена жены и шок у ее мужа в травелоге Южакова, предательство Пинкертона и самоубийство Чио-чио-сан у Лонга). Однако гибкий характер, здравый смысл и твердые намерения героев помогают найти выход. Кроме того, счастливый брак удваивается и утраивается в сюжетных линиях других героев, еще неженатые друзья и сослуживцы вовлекаются в процесс. В этом «русском ответе» Лонгу и Лоти такое разрешение ситуации, редкое в реальной жизни, становится закономерностью, что подчеркнуто подзаголовком: «Редакция помещает эту статью как рисующую характерные черты стоянки наших судов в Японии» [Перский, 1911, с. 275].

Итак, *временный брак* широко распространен в основном как тема или сюжетная ситуация в документальных произведениях, но находится на периферии русской художественной прозы.

В документальных произведениях сюжету свойственно развиваться в диапазоне от обличительной публицистики до идиллии. Авторы травелогов преследуют цель отобразить устоявшийся порядок, «обыкновение», реже обращаясь к единичным, исключительным случаям. Сюжет связан с социальной проблематикой, с темами прогресса и угнетения, смены эпох, с противостоянием западной, восточной и русской цивилизаций, на стороне которой остаются все симпатии. При этом чем ниже находится русский «муж» по уровню развития и в социальной иерархии, тем проще и бесконфликтнее протекают его сожительство и расставание. Более просвещенный путешественник или дистанцируется от такой идеи, оставляя ее низшим слоям, или впоследствии сознает ее неуместность, или пытается нарушить привычный порядок вещей и терпит неудачу.

Социальная проблематика не интересует авторов повестей и рассказов. Волконский и Перский следуют тому направлению в травелогах, в котором *временный брак* превращается в своего рода миф о Золотом веке или потерянном рае. Меняя концовку сюжета или некоторые его подробности, они удаляют компонент, важный как ряда травелогов и романа Лоти, так и для некоторых более поздних произведений: внутреннюю независимость японки от «белого господина», невозможность оставить ее с разбитым сердцем, отсутствие личной власти над ней³. В русских художественных произведениях исследуемого периода это

³ В этом отношении интересен рассказ З. Гиппиус «Японочка» (1932), выходящий за рамки исследуемого периода, однако, несомненно, связанный с текстом Лоти. Тэки, девушка японского происхождения, воспитанная в русской семье и живущая в Европе, заводит роман с искренне влюбленным в нее эмигрантом, инженером Павлом Ильичом. Она периодически отдается ему за подарки, пока учится в университете, но имеет твердое намерение выйти за студента-японца и уехать с ним в Японию. При всей яркости переживаемого романа герой понимает, что остается для нее чужим, не может распоряжаться ее жизнью и подчинить ее себе. Не помогают никакие жертвы инженера, ради нее поссо-

неприемлемо, японки моментально влюбляются в русских, что в рамках таких текстов положительно характеризует обе стороны. Русские авторы частично восстанавливают европейскую модель отношений Востока и Запада (восточная женщина должна самоотверженно полюбить белого), но снимают ее жестокость тем, что вводят в нее искреннее встречное чувство русского человека, его лучшие намерения и запрет на агрессию и предательство.

Сюжет, представленный в художественной литературе XIX – начала XX в. таким малым количеством произведений, но провокационный и интересный для русского сознания, судя по его частоте в травелогах, далеко не исчерпал своих возможностей. Его трансформация в литературе XX в., в произведениях З. Гиппиус, В. Пикуля, Б. Акунина и других авторов, могут быть темой дальнейших исследований.

Список литературы

- Александр Михайлович* (вел. князь). Книга воспоминаний. М.: Современник, 1991.
- Армафельт Г.* Корвет “Варяг”. Воспоминания из кругосветного плавания 1863, 1864, 1865, 1866, 1867 г. СПб.: Тип. В. Веллинга, 1867.
- Бартошевский Н.* Япония. Очерки из записок путешественника вокруг света // Книга японских обыкновений / Сост. А. Н. Мещеряков. М.: Наталис, 1999. 399 с.
- Бернстайн Р.* Восток, Запад и секс. История опасных связей. М.: АСТ: CORPUS, 2014.
- Виноградов А.* В дальних краях. Путевые заметки и впечатления. М.: Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1901.
- Воллан Г.* В стране восходящего солнца. СПб.; М.: М. О. Вольф, 1906.
- Волконский М. Н.* О-Сшька-сан // Пушкинский сборник. М.: Тип. А. С. Суворина, 1899. С. 392–399.
- Гарин-Михайловский Н. Г.* По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову // Гарин-Михайловский Н. Г. Собр. соч.: В 5 т. М.: ГИХЛ, 1958. Т. 5. С. 7–390.
- Добровольский А.* Сорок семь могил. Из очерков Японии // Русский вестник. 1893. № 7. С. 170–189.
- Кнорринг Ф. И.* Через Америку и Японию. Путевые очерки. СПб.: Н. М. Лагов, 1904.
- Краснов А. Н.* По островам Далекого Востока. СПб.: Изд. ред. «Недели», Тип. А. Н. Лебедева, 1895.
- Лоти П.* Госпожа Хризантема / Пер. В.Ф. Корш // Лоти П. Собр. соч.: В 12 т. М.: В. М. Саблин, 1909. Т. 1.
- Максимов С.* Лесная глушь. Картины народного быта. Из воспоминаний и путевых заметок С. Максимова: [В 2 т.]. СПб.: К. Н. Плотников, 1871. Т. 2.
- Молодяков В. Э.* Образ Японии в Европе и России XIX – начала XX в. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1996.
- Перский Д.* Миокоги-сан // Русская старина. 1911. № 8. С. 275–303.

рившегося со своей семьей и зовущего ее в законный брак. Героиня остается верна своей генеалогии, к которой отсылает стоящий у нее на столе букет хризантем. Не вводя собственно понятия временного брака, З. Гиппиус использует узнаваемые мотивы данного сюжета.

Печерская Т. И., Никанорова Е. К. Сюжеты и мотивы русской классической литературы. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2010. 162 с.

Печерская Т. И. Сюжетная ситуация «военные на постое» в пьесе А. П. Чехова «Три сестры» // Чеховиана: К 100-летию «Трех сестер». М.: Наука, 2001. С. 108–112.

Тан В. Г. В Японии // Тан В. Г. Собр. соч.: В 10 т. СПб.: Просвещение, 1910. Т. 4. С. 105–183.

Шрейдер Д. И. Япония и японцы. СПб.: А. Ф. Девриен, 1895.

Южаков С. Н. Доброволец «Петербург». Дважды вокруг Азии. СПб.: Б. М. Вольф, 1894.

В. Из жизни на Дальнем Востоке. Июнь 1900 г. – март 1903 г. Южно-Уссурийский край, Печилийская провинция, Япония, Маньчжурия // Вестник Европы. 1904. Т. 2, кн. 4. С. 433–478; Т. 3, кн. 5. С. 5–38; кн. 6. С. 466–499.

Long J. L. *Madame Butterfly*. Boston and New York: Grosset and Dunlap, 1903.

References

Aleksandr Mikhaylovich (Grand Duke). *Kniga vospominaniy* [The book of memoirs]. Moscow, Sovremennik, 1991.

Armfel't G. *Korvet "Varyag". Vospominaniya iz krugosvetnogo plavaniya 1863, 1864, 1865, 1866, 1867 g.* [Corvette "Varyag". The memories of circumnavigation in 1863, 1863, 1864, 1865, 1866, 1867]. St. Petersburg, V. Velling Tip., 1867, 267 p.

Bartoshevsky N. Yaponia. Oчерki iz zapisok puteshestvennika vokrug sveta [Japan. Essays of round-the-world traveler]. In *Kniga yaponskikh obyknovenii* [Book of Japanese customs]. A. N. Meshcheryakov (Comp.). Moscow, Natalis, 1999, 399 p.

Bernstein R. *Vostok, Zapad i seks* [The East, the West, and Sex]. Moscow, АСТ, CORPUS, 2014, 488 p.

Garin-Mikhailovsky N. G. Po Koree, Manchzhurii i Lyaodunskomu poluostrovu [Across Korea, Manchuria and Liaodong Peninsula] In: *Sobr. soch.: V 5 t.* [Collected works: In 5 vols]. Moscow, St. Petersburg, GIKhL, 1958, vol. 5, pp. 7–390.

Dobrovol'sky A. Sorok sem' mogil. Iz oчерkov Yaponii [Forty-seven graves. From essays about Japan]. *Russky Vestnik*. 1893, no. 7, pp. 170–189.

Knorring F. I. *Cherez Ameriku i Yaponiyu. Putevye ochrki* [Across the USA and Japan. Travel notes]. St. Petersburg, N. M. Lagov, 1904.

Krasnov A. N. *Po ostrovam Dal'nego Voskoka* [Around the islands of the Far East]. St. Petersburg, Izd. red. "Nedeli", Tip. A. N. Lebedeva, 1895.

Long J. L. *Madame Butterfly*. Boston, New York, Grosset and Dunlap, 1903.

Loti P. *Gospozha Khrizantema* [Madam Chrysanthemum]. In: Loti P. *Sobr. soch.: V 12 t.* [Collected works: In 12 vols]. Moscow, V. M. Sablin, 1909, vol. 1.

Maksimov S. *Lesnaya glush'. Kartiny narodnogo byta. Iz vospominanii i putykh zametok S. Maksimova: V 2 t.* [Wilderness. The pictures of daily life. From the memories and travel notes by S. Maksimov: In 2 vols]. St. Petersburg, K.N. Plotnikov, 1871, vol. 2, 334 p.

Molodyakov V. E. *Obraz Yaponii v Evrope i Rossii 19 – nachala 20 v.* [The image of Japan in Europe and Russia in the 19th – 20th centuries]. Moscow, Institute of Oriental Studies of the RAS, 1996, 182 p.

Persky D. Myokoti-san [Myokoti-san]. *Russkaya starina*. 1911, no. 8, pp. 275–303.

Pecherskaya T. I., Nikanorova E. K. *Syuzhety i motivy russkoi klassicheskoi literatury* [Patterns and motives of Russian classical literature]. Novosibirsk, NSPU, 2010, 162 p.

Pecherskaya T. I. Syuzhetnaya situatsiya “voennye na postoe” v p’ese A. P. Chekhova “Tri sestry” [The pattern of “billeting militarys” in “Three sisters” by A. P. Chekhov]. In: *Chekhoviana: k stoletiyu “Trekh sester”* [Chekhoviana: to the 100th anniversary of “Three sisters”]. Moscow, Nauka, 2001, pp. 108–112.

Tan V. G. V Yaponii [In Japan]. In: Tan V. G. *Sobr. soch.: V 10 t.* [Collected works: In 10 vols]. St. Petersburg, Prosvechshenie, 1910, vol. 4, pp. 105–183.

Schreider D. I. *Yaponia i yaponsy* [Japan and Japanese]. St. Petersburg, A. F. Devrien, 1895, 658 p.

Vinogradov A. *V dal’nikh krayakh. Putevye zametki i vpechatlenia* [In distant lands. Travel notes and impressions]. Moscow, Tipo-lit. T-va I. N. Kushnerev i K^o, 1901, 332 p.

Vollan G. *V strane voskhodyachshego solntsa* [In the land of the rising sun]. Moscow, St. Petersburg, M. O. Vol’f, 1906, 566 p.

Volkonsky M. N. Osshka-san [Osshka-san]. In: *Pushkinky sbornik* [Pushkin collection]. Moscow, A. S. Suvorin Tip., 1899, pp. 392–399.

W. Iz zhizni na Dal’nem Vostoke. Iyn’ 1900 g. – mart 1903 g. Yuzhno-Ussuriyski krai, Pechiliiskaya provintsiya, Yaponia, Manchzhuria [From the life on Far East. June 1900 – March 1903. South-Ussuri territory, Bohai province, Japan, Manchuria]. *Vestnik Evropy*. 1904, vol. 2, bk. 4, pp. 433–478; vol. 3, bk. 5, pp. 5–38; bk. 6, pp. 466–499.

Yuzhakov S. N. *Dobrovolets “Peterburg”*. *Dvazhdy vokrug Azii* [Dobroflot’s (Voluntary Fleet’s) ship “Peterburg”. Twice around Asia]. St. Petersburg, B. M. Vol’f, 1894, 349 p.

Сведения об авторе

Богодерова Анна Александровна – кандидат филологических наук, младший научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия); доцент кафедры иностранных языков гуманитарного факультета Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия)

bogoderova86@mail.ru

Information about the author

Anna A. Bogoderova – Candidate of Philology, Junior Researcher at the Sector of Literary Studies, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation); Assistant Professor at the Department of Foreign Languages of the Faculty of Humanities, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation)

bogoderova86@mail.ru